

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ А.И. ЗАЙЦЕВА

Обращаясь к воспоминаниям об известном петербургском филологе-классике Александре Иосифовиче Зайцеве, знакомство с которым я поддерживал на протяжении почти полувека, я хотел бы сделать две оговорки. Во-первых, я не имею в виду сколько-нибудь подробное изложение. Для этого у меня недостает материала, потому что знакомство наше, хотя и долгое, не носило постоянного характера. Хотя мы жили в одном городе, служили в одном университете и работали в одной, по большому счету, гуманитарной области, которую можно определить как изучение и преподавание науки об античности, мы действовали в разных руслах этой науки, филологии и истории соответственно, были разделены профессионально и даже территориально, поскольку наши кафедры находились на разных факультетах, отделенных пространственно длиной Менделеевской линии. Поэтому наше общение носило, что называется, казуальный характер, определялось происходившими время от времени встречами в университете или библиотеках или заседаниями, где мы оба участвовали, но при этом перемежалось довольно долгими подчас и перерывами.

Во-вторых, я не претендую на сколько-нибудь полную и глубокую характеристику и тем более оценку Александра Иосифовича как человека и ученого. Для этого у меня опять-таки недостаточно материала, а более всего недостает права в силу нашей принадлежности к разным научным цехам, что, как у О. Шпенглера с его цивилизациями, создает преграду для адекватной оценки представителя одной отрасли специалистом из другой.

Что же тогда я могу предложить читателю? Только отдельные зарисовки, которые, будучи расположены в относительном порядке, могут представить созданный как бы прерывистым пунктиром образ замечательного в своем роде человека, выдающегося ученого и педагога, моего сверстника, а вместе с тем и времени, когда мы оба, сначала молодыми людьми, а потом в зрелом возрасте, по-разному делали общее дело — защищали науку об античности. Естественно,

что мне придется при этом говорить и о себе, и о наших учителях, и о некоторых других наших современниках, но я надеюсь, что это не затемнит главного предмета моих воспоминаний.

Мое знакомство с А. И. Зайцевым состоялось, если не ошибаюсь, в конце 1950-х годов. Я проходил тогда аспирантуру по кафедре истории Древней Греции и Рима и много времени проводил в читальных залах Библиотеки Академии наук. Вот там я впервые и заметил довольно высокого, как мне показалось из-за его худобы, сравнительно молодого еще человека, который время от времени вставал со своего места в Главном читальном зале и, держа в вытянутой руке исписанный листок бумаги, направлялся либо к стойке библиотекарей за какой-нибудь книгой, либо, что было чаще, в Справочно-библиографический отдел для дополнительных розысков. Он обращался к библиотекарям странным тонким голосом, нередко эти обращения начинались со слова «Минуточку...», за что он и получил в БАНе прозвище «Минуточка». Позднее, когда он начал преподавать, у него было и другое прозвище среди студентов — «Fuisse»...

Как именно состоялось наше знакомство, я сейчас не помню. Возможно, нас свел А. И. Доватур, который в ту пору начал уже руководить кафедрой классической филологии, где Зайцев был аспирантом, и который был и моим наставником по части древних языков. Постепенно я узнал некоторые подробности о Зайцеве: что он был в свое время, еще студентом на филологическом факультете, арестован и посажен за антисоветские высказывания; что срок свой он отсидел не в обычной тюрьме или лагере, а в тюремной больнице, куда был определен как сумасшедший, потому что на судебном процессе не заперся, а настаивал на том, что режим И. В. Сталина — тиранический и преступный; что, наконец, в этой тюремной больнице, где он провел семь лет, книг ему практически не давали, за исключением какого-то учебника по математике, ввиду абсолютной политической безвредности этого предмета. Зайцев был старше меня, но фактически мы оказались сверстниками, потому что оба в одно время проходили аспирантуру, и это сблизило нас.

Дальнейшему сближению естественно способствовали частые встречи как в библиотеках, в БАНе и ГПБ, так и в самом университете, а также нередкие совместные прогулки через Дворцовый мост дальше на Невский проспект в магазин «Мир», где продава-

лись книги восточноевропейских стран (так называемых Стран Народной Демократии), в том числе и Германской Демократической Республики, которая поставляла на наш книжный рынок издания древних авторов и литературу об античном мире. Интересы Зайцева в ту пору были отчетливо выраженные филологические. Он подготавливал кандидатскую диссертацию об Алкмане, точнее — об одном из наиболее значительных произведений этого древнегреческого поэта, «Гимне Диоскурам». Зайцев работал неспешно и очень основательно, вследствие чего его защита отодвинулась на долгие годы. Она состоялась в 1969 г. при моем прямом участии.

Дело в том, что не нашлось полного комплекта оппонентов из числа филологов-классиков, и тогда А. И. Доватур обратился ко мне с просьбой выступить по диссертации Зайцева. Кстати сказать, на правах наставника и своего рода опекуна Доватур нередко привлекал меня на роль оппонента по диссертациям своих аспирантов или сотрудников. У многих я побывал оппонентом, но самым поразительным был первый случай, когда меня ангажировали на защиту Ольги Александровны Гутан, дамы весьма преклонного возраста (мне кажется, я годился ей во внуки), вышедшей на защиту кандидатской диссертации под самый занавес своей службы в университете, накануне выхода на пенсию (и, естественно, для того, чтобы эта последняя была побольше).

О. А. Гутан написала содержательную диссертацию о творчестве афинского комедиографа Кратина, современника Аристофана. Она была женщина остроумная и остроязыкая. Происходила она из дворянской среды, и по поводу известного киноактера Вячеслава Тихонова, который сыграл князя Андрея Болконского в фильме «Война и мир» Сергея Бондарчука, выразилась с совершенным презрением: «Мой отец такого и в денщики бы не взял». В случае с Гутан я впервые понял, что законы логики не обязательны для иных женщин. Ее автореферат открывался перечнем причин актуальности исследования творчества Кратина. Перечень естественно начинался с пункта первого, но пункта второго не было, на что я и обратил внимание почтенной диссертантки. Она только пожалала плечами и сказала: «Ну и что с того?» — и ничего исправлять не стала.

Но вернемся к диссертации А. И. Зайцева. Это было ученейшее произведение, где досконально прослеживалась история изучения текста Алкмана. Я уверен, что с филологической точки зрения этот

труд являл собой несомненную ценность, но для меня, историка по образованию и по своему характеру, чтение диссертации Зайцева было делом утомительным, а написание отзыва и вовсе поставило меня в тупик. Я не знал, на что опереться, где найти основу для развития какой-либо общей идеи, без которой, как правило, не может обойтись историк. Кончилось тем, что я позвонил по телефону А. И. Зайцеву, честно признался ему в своем затруднении и попросил подсказать, какую идею он выразил в своем произведении. На что получил сухой ответ: «Слава Богу, в моей диссертации нет никакой идеи».

С грехом пополам я составил свой отзыв; я приписывал свое затруднение собственной антиковедной ограниченности, но уже в день самой защиты судьба послала мне некоторое утешение. Идучи с исторического факультета по Менделеевской линии в сторону филфака, я повстречал профессора И. М. Тронского, который шел в сторону, противоположную тому месту, где должна была состояться защита. Я был знаком с Тронским и потому решился спросить его: «Куда вы направляетесь, Иосиф Моисеевич? Ведь сейчас состоится защита Зайцева». На это Тронский ответил: «Я не желаю участвовать в обсуждении этой сугубо геллертерской работы».

Тронский был выдающимся филологом, но его аналитические занятия греческим и латинским языками не исключали большого теоретического и даже социологического интереса к литературе и культуре античности, свидетельством чего служит его известная книга «История античной литературы». По-видимому, недостаток общих идей в диссертации Зайцева и вызвал такую негативную оценку Тронского. Но дело, мне кажется, не только в этом, а еще и в каком-то более общем расхождении ценностных установок, которое разделяло двух филологов, старого и молодого, и стало причиной столь резкого отзыва почтенного профессора.

В этой связи я припоминаю еще один случай резкого суждения Тронского в споре с другим филологом — Доватуром. Сцена, свидетелем которой я был, произошла примерно в те же годы, что и защита Зайцева. На филфаке проходила какая-то научная конференция, на которой Тронский делал доклад о гомеровском диалекте, в частности, об особой форме падежных окончаний. По окончании заседания, когда в аудитории почти никого не осталось, Доватур подошел к Тронскому и в свойственной ему любезной, некатегорической форме высказал сомнение по поводу развитого Тронским

взгляда. Тот отвечал Доватуру столь резко, что мой наставник вспыхнул и, в конце концов, обратился к Тронскому с вопросом: «Вы полагаете себя единственным знатоком в этих вопросах?». На что Тронский без колебаний ответил: «Да, по крайней мере, в этой аудитории». Это прозвучало оскорбительно, поскольку в аудитории, кроме Тронского, находились только двое — Доватур и я, который, разумеется, в счет не шел. Но оказывалось, что в счет не шел и Доватур. На последние слова Тронского он никак не ответил, но весь залился краской, как это с ним бывало в мгновения гнева, круто повернулся и выбежал из аудитории. Я последовал за ним, размышляя о преподанном мне (или в моем присутствии) уроке нетерпимости, встречающейся, увы, не только среди эмоционально настроенных артистов, но и в среде ученых.

Зайцев был большим тружеником. Он вел массу занятий на филфаке, а с какого-то момента стал вести и занятия в группах студентов-античников и на истфаке. Он преподавал древние языки, чаще всего греческий, преподавал основательно, но, боюсь, не слишком продуктивно. Дело было не в нем, а в студентах-историках, которые в большинстве своем относятся к изучению языков, в особенности древних, безо всякого увлечения. Зайцев исполнял роль наставника в студенческой аудитории очень серьезно. К студентам он обращался не только на «Вы», но и по имени и отчеству, что, на наш взгляд (т. е. на взгляд преподавателей нашей кафедры), было излишеством. Позднее Зайцев стал читать нашим студентам специальные курсы на темы античной культуры. Однажды я присутствовал на одной из лекций курса греческой религии и мифологии. При мне Александр Иосифович очень обстоятельно разбирал природу и функции Посейдона, разбирал в течение целого часа, что, опять-таки, мне, профану, показалось чрезмерным. Помимо этого он читал также нашим историкам курс по истории и культуре архаических Афин, но обращение к этой теме стояло уже в связи с существенным изменением его научных интересов.

В самом деле, шли годы, и в направлении занятий Зайцева свершились важные изменения. Он стал больше интересоваться вопросами античной истории и политики. Причиной тому была его собственная натура: где-то глубоко в нем был заложен большой политический интерес, который и стал с годами проявляться все больше и больше, наряду с прежними филологическими занятиями. Допол-

нительным стимулом в этом направлении послужило его сближение с научными занятиями нашей кафедры. Он стал принимать участие в конференциях молодых антиковедов-историков, которые с 70-х годов проходили под общим девизом «Проблемы античного полиса». Он стал выступать с докладами и на этих конференциях, и на заседаниях нашей кафедры. Его новые увлечения нашли выражение в организованных им чтениях Платона и Аристотеля, а именно больших политических трактатов — «Законов» и «Политики». А в плане собственно историческом он начал интересоваться темой полиса, античной гражданской общины, что в конце концов вылилось в написание большой работы «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.», опубликованной издательством Ленинградского государственного университета в 1985 г.

Книга эта — одно из важных исследований по проблеме рождения греческого полиса и формирования классической античной культуры. Зайцев всесторонне исследовал этот процесс и определил главные факторы, которые вызвали к жизни так называемое греческое чудо. В ряду этих факторов он вполне обоснованно уделил внимание гражданскому обществу древних греков и порожденному им особому компетитивному началу, или, как это стали называть в немецкой историографии, «агональному духу». Последнюю черту — агональный дух — выявили еще Эрнст Курциус и Якоб Буркхардт, а в новейшее время ее особенно подчеркнул в своих работах Гельмут Берве. Последний был крупным ученым, но вместе с тем в свое время и убежденным нацистом. Так или иначе, прочно вошедшее в обиход немецкого антиковедения понятие «агональный дух» в советской науке именно потому, что им пользовались немцы, стало чем-то подозрительным или даже идеологически враждебным.

Это обстоятельство сыграло дурную роль в ученой биографии А. И. Зайцева. Я уже говорил о том, сколь непросты отношения в ученом мире. У Зайцева на его кафедре появились новые недоброжелатели, которым претили его исторические увлечения. Зацепкой для этих недоброжелателей стали некоторые идеи, развитые Александром Иосифовичем в его работе, и тема агонального духа, в частности. И когда он представил в издательство свою работу, в высокие инстанции — не то в партком, не то в местком (не помню точно) — было направлено письмо с обличением Александра Иосифовича в порушении марксизма.

Начался закулисный скандал. Открыто ничего не оглашалось, но в издательских верхах шли непрерывные разговоры о работе Зайцева, о ее возможной порочности. Так как стержнем этой «порочности» была развитая автором историческая интерпретация, то руководители издательства обратились ко мне как к возможному арбитру в этом деле. Я был призван, что называется, на ковер — в комнату, где заседали главный редактор Нина Александровна Захарова, женщина сдержанная и суровая, и ее заместитель, кажется, из профессиональных философов-марксистов. Когда я появился на пороге, они не предложили мне сесть, а взглядом определили мое место там, где я стоял, т. е. на пороге. И вот из-за стола через всю комнату ко мне был обращен вопрос: «Вы можете поклясться, что в работе Зайцева нет подрыва марксистской теории?». Ситуация мне казалось достаточно смешной, но я отдавал себе отчет в том, насколько все происходящее важно для судьбы книги Зайцева. И вот я поднял правую руку и, стараясь сохранять серьезную мину на лице, громко произнес: «Клянусь, ничего такого в этой книге нет». Тогда мне предложили стать ответственным редактором этого издания, очевидно, для того, чтобы в случае какой-либо неприятности можно было свалить на меня вину за публикацию порочной книги.

В ту пору, пока развивался этот скандал, а затем во время работы над текстом (ибо я всерьез воспринял свое назначение, а Зайцев не считал лишним мое участие в подготовке рукописи к изданию), мы часто виделись с Александром Иосифовичем. Он бывал у меня дома на Васильевском острове, и мы подробно обсуждали и внешние перипетии его дела, и его рукопись, раздел за разделом. При этом нашим компаньоном всегда был третий — большой серый кот Ерема, очень суровый, не любивший чужаков, особенно женщин, но находивший удовольствие в ученых разговорах мужчин. Зайцев был кошатник, у него самого в то время был кот по кличке ὄψρις, который, впрочем, пропал при одном из летних переездов на дачу: выскочил из машины и был таков. Зайцев серьезно обращался с Еремой, разговаривал с ним, гладил и мял его, и тот, чувствуя руку любителя котов, к нашему с женой удивлению, все терпел. Потом он усаживался на отдельный стул между нами и до конца беседы не сходил с места.

Книга вышла в 1985 г., а через два года по ней состоялась защита А. И. Зайцевым докторской диссертации. Ввиду отчужденной

обстановки на собственной кафедре и факультете, Зайцев обратился в Ученый совет исторического факультета, и председатель совета, наш тогдашний декан И. Я. Фроянов охотно пошел навстречу. Александр Иосифович успешно защитил диссертацию на степень доктора *исторических* наук, чего, кстати, многие филологи не знают или о чем предпочитают не помнить.

Хочу вернуться к теме политических интересов Александра Иосифовича. Я уже говорил, что ему от природы, помимо влечения к филологии, был свойствен и исторический, и даже политический интерес. Обращение к Платону, как я уже упоминал, не было случайным. Его сильно занимали также и современные общественные дела. Любопытный факт: в течение ряда лет он исполнял обязанности народного заседателя в суде и, сколько я помню, отнюдь не тяготился этой обязанностью. С годами этот общественный интерес еще более усилился и стимулировал собственную, если можно так сказать, гражданскую активность Александра Иосифовича. Он с радостью встретил горбачевскую перестройку. Он многого ожидал от состоявшейся перемены политического строя в нашей стране. Я не раз с ним обменивался мнениями на этот счет, мои суждения были более сдержанными, но он был неуклонен в своем оптимизме.

В связи с проходившими переменами А. И. Зайцев ожидал реального возрождения прежних, дореволюционных культурных традиций в нашей стране и прежде всего классического образования. Когда в начале 90-х годов Санкт-Петербургский Фонд культуры загорелся идеей провести «Дни классики», Александр Иосифович был одним из горячих сторонников реализации этого проекта. Его центральным звеном стало проведение в декабре 1992 г. конференции «Классическое наследие и современность» (9–11 декабря 1992 г.). На заседания, которые проходили в Мраморном дворце, собрались энтузиасты гуманитарного и в частности классического образования. Я особенно хорошо запомнил первое из этих заседаний, на котором мне выпала честь быть председателем. В президиуме оказались помимо нас с А. И. Зайцевым, еще академик А. М. Панченко и высокопоставленная особа, представлявшая Фонд культуры.

Заседание оставило во мне противоречивое чувство. С одной стороны, было приятно внимание чиновных верхов к судьбам классического образования и классической культуры, с другой, не по-

кидало ощущение некоей маскарадности всего этого действия. Ведь очевидно, что без долгих лет реализации основ классического образования, т. е. в первую очередь преподавания древних языков, литературы и истории в средней школе и в университете, никакого возрождения классицизма ожидать не приходится. А реализация этой программы в системе нашего образования до сих пор оставляет желать лучшего. Что касается университета (я имею в виду Санкт-Петербургский государственный университет), то здесь дело так и осталось на прежнем уровне: малые островки классицизма — кафедра классической филологии и кафедра истории Древней Греции и Рима — картины не меняют. Мало того, в последние годы происходило дальнейшее потеснение классических дисциплин. Так, на юридическом факультете отменили преподавание латинского языка, несмотря на прокламируемое изучение римского права.

На общем фоне продолжающегося угасания культуры классицизма проведение «Дней классики» в Петербурге в 1992 г. выглядело именно маскарадом, в реальное значение которого мог верить только такой проникнутый идеальными помыслами человек, как А. И. Зайцев. Да и на самом заседании в Мраморном дворце не обошлось без курьезов, которые, на мой взгляд, бросали тень на всю эту игру с «Днями классики». После торжественных речей А. И. Зайцева и моей о значении классицизма для существования полноценной культуры, выступил со своим докладом академик А. М. Панченко, который не без некоторой ядовитости поставил под сомнение и сами традиции классицизма в России, и возможность их восстановления. Доклад был рассчитан на эпатирование публики, и реакция не замедлила последовать: один из присутствовавших в зале, выпускник нашей кафедры, несколько нетрезвый, поднялся и стал упрекать академика в искажении им фактов, в неверии в прогресс и т. п. Речь выступавшего становилась все более буйной, и его пришлось вывести из зала.

Тем не менее идеализм Александра Иосифовича был неколебим. Более того, его активность росла с годами. Он был неперменным участником различных научных конференций, где выступал с докладами и участвовал в прениях не только на собственно научные, но и иные, более общие темы. Вспоминаю в этой связи еще один эпизод. Как-то мы оказались вместе на конференции в Берлине, которая была организована нашим немецким коллегой Берндом Функом (в свое время он был студентом, а затем и аспирантом

кафедры истории Древней Греции и Рима). Конференция была посвящена эллинизму, именно проблеме культурного взаимодействия народов древнего мира, и проходила при активном участии специалистов из России (март 1994 г.). Помню, как мы с Зайцевым возвращались в гостиницу с какой-то дружеской встречи. Был теплый весенний вечер, и мы не без удовольствия шли по пустынным улицам ночного Берлина к нашему пристанищу. Александр Иосифович воодушевленно рассуждал на тему политического будущего России, провозглашая громким голосом неизбежность и целесообразность установления монархии в нашей стране. При этом себя самого он столь же громко и отчетливо аттестовал как убежденного монархиста.

Незаурядность и, более того, богатство природы Зайцева были очевидны для всякого, кто с ним близко сходил. Вместе с тем, как это всегда бывает с незаурядными людьми, некоторые стороны его личности задевали других, особенно если эти другие также были натурами незаурядными. Так обстояло дело с эрудитством Зайцева. Он был очень добросовестен, всегда старался с наибольшей полнотой обнаружить и привлечь необходимые для его работы источники и литературу. Он был невероятно начитан и, обладая великолепной памятью, нередко, при обсуждении каких-либо тем, извлекал из этой памяти факты и имена, мало кому известные. Иных это раздражало, поскольку они видели в этом не черту характера, не природное влечение к исчерпывающему знанию, а лишь проявление академического снобизма. Так, известный скептик и острослов профессор Д. П. Каллистов сравнивал многознание А. И. Зайцева со шкафом, набитым книгами, дверцу которого опасно открывать, так как содержимое может вывалиться наружу, или со спичкой, которую стоит только потереть о коробок (т. е. о какую-либо книгу или высказывание), чтобы она загорелась.

Характерная позиция, которую занимал Александр Иосифович в общении с коллегами, была такова: «А вы знаете о такой-то диссертации? Как, вы не знаете о такой книге или статье? Ее можно достать в Москве (вариант — выписать из Стокгольма)». Меня он также донимал такими репликами. В пору моих занятий Ксенофонтом он долгое время напоминал мне о работе одного датского ученого по Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политике», опубликованной в Копенгагене в 1942 г. Работы этой не было в наших библиотеках, но выписывать ее из Копенгагена или из Стокголь-

ма представлялось мне делом нудным и необязательным, и я так и не собрался заняться этим. Я вообще всегда относился спокойно к претензии на библиографическую полноту. Страшно сказать среди специалистов, но меня всегда интересовала больше сама античность, чем мнение о ней новых критиков. Кстати, эту датскую работу я много лет спустя обнаружил в Халле, и должен сказать, что ничего нового к моим представлениям о Ксенофонте она не добавила.

Другой чертой Александра Иосифовича была не просто добро-совестность в деле преподавания, но какая-то особая торжественность, с которой он выполнял свои преподавательские обязанности. Вполне серьезно (по крайней мере, внешне) он именовал наши обязанности «священными», себя самого, а иногда и меня тоже, величал «жрецом Зевса» и т. п. Это была своеобразная манера, и к ней надо было относиться так же спокойно, как и к его библиографической взыскательности. Однако не все оставались спокойными, сталкиваясь с проявлениями этой манеры. Как-то А. И. Доватур пришел к нам на кафедру (он тоже вел занятия со студентами-историками) и с большой запальчивостью и в сильном раздражении стал мне рассказывать о сцене, которую он только что наблюдал на своем факультете. Надо заметить, что Доватур неровно относился к Александру Иосифовичу. Как всякий увлеченный исследователь, он претендовал на монополию в разработке любимых тем. Когда Зайцев обнаружил интерес к Аристотелю и даже написал статью о нем, Доватур возревновал и с этого времени стал относиться к занятиям Зайцева с неприязнью. Так вот, Доватур, который в бытность свою заведующим кафедрой нередко посещал занятия других преподавателей, зашел в какую-то аудиторию, где занятия проводил Зайцев. Ему бросилась в глаза некоторая важность, с которой вел занятия Александр Иосифович, и он, не без укора, спросил его по-латыни: *Num academicus es?* — Неужто ты академик?, на что тот с величавым достоинством ответил: *Nis ego sum pro academico* — Здесь я вместо академика.

Как бы то ни было, это своеобразное поведение, это особое, высокое толкование собственного долга, было интегрально присуще Александру Иосифовичу Зайцеву. И он оставался верен этой своей манере до самого конца, даже в долгие месяцы того тяжелого недуга, который и свел его в могилу.

Summary

A memoir and considerations on scholarly and teaching activities of A. I. Zaicev (1927–2000), professor of classics at the University of St. Petersburg, by E. D. Frolov, professor of ancient history at the same university.